
Что такое Дарвиновский Музей в Москве

К пятидесятилетию его фактического основания. Май 1946.

Александр Федорович Котс

«Что такое **Дарвиновский Музей?**» — вопрос, тем более уместный, что известный сотням тысяч посетителей и почитателей этот Музей только теперь, по истечении полвека своего фактического основания, готовится к тому, чтобы предельно развернуть свою работу в новом проектируемом здании.

В чем же особенность этого **Дарвиновского Музея**, уникальность его вещного богатства и новаторство объединяющей идеи?

Рассмотреть этот вопрос тем более уместно, что касается он мало разработанной науки, именуемой «Музеологией», — науки о принципах устройства музеев, как рассадников культмассовых научных знаний.

И действительно, сложившаяся около середины прошлого столетия эта наука о «методике музеев» остается чуждой большинству ученых, склонных и донныне разрешать сложнейшие проблемы музеологической методики, руководясь не опытом и наблюдением но «здравым смыслом» и кустарной «отсебятиной».

В основе этого грубейшего анахронизма укрывается элементарное смешение приемов и задач **учебного и массового** просвещения.

И легко понять причины этого смешения. Достаточно напомнить, что сама идея «массового просвещения», сложившаяся в ходе прогрессивной демократизации наук, — явление новейшей даты, что глашатаями этого движения бывали всего чаще деятели Школы, высшей или средней. И легко понять, что опираясь лишь на опыт школьной или университетской кафедры, ученые и педагоги, выступая перед массами, невольно и автоматически переносили свой академический или учебный опыт на работу с массами и в массовую аудиторию.

Такая механическая «пересадка» методов академической науки на задачи массового просвещения проходит тем бескровнее, что не в пример обычной школьной или университетской практике — работа с массами не предусматривает никакой проверки.

Молчаливо полагается, что все даваемые знания доходят должным образом до «потребителя», до массовых музейных зрителей, безотносительно к тому, в каком объеме и каким путем они подносятся.

Ни о какой проверке эффективности или доходчивости предлагаемого знания эти музеи не заботятся, работая с воображаемыми зрителями, и обладающими безграничным временем, бездонным рвением и «абсолютной памятью».

Неудивительно, что годная лишь для «отчетов» (или, правильнее говоря — «отписок»..) эта фикция немедленно вскрывается как таковая при попытке минимального контроля и учета той элементарной истины, что всякая работа с «массами» основана на добровольности, **факультативности** воспринимаемого знания в отличие от **обязательности** практики учебно-школьного преподавания.

Из сказанного явствует, что без учета этого принципиального различия работы **школьного, учебного** характера и **массового** типа все суждения и критики, касающиеся последней, но всецело исходящие от первой, подлежат отводу, как направленные «не по адресу».

Обратно: Всякие теоретические предложения в сторону введения тех или иных разделов, глав, или объектов в экспозицию музеев массового типа могут быть полезны и приемлимы лишь при одном условии — **наличии предварительной проверки подлинной доходчивости этих глав и экспонатов в отношении «массового зрителя»**.

Но именно этих «проверочных работ» вы тщетно стали бы искать у представителей «академических музеев». И понятно, почему. Ведь посетители таких музеев независимо от их объема или оформления **обязаны** усвоить их фактическое содержание, каким бы ни было оно — предельно-увлекательным или предельно-нудным. Но тем самым отпадает всякая потребность в критике или проверке эффективности подобного музея и подобного «показа».

И легко понять, как отражается такой принцип в теории и практике музеев массового типа. Можно уверенно сказать, что некритичное и бесконтрольное включение в их экспозицию объектов или глав безотнositельно к доходчивости их показа, угрожает в лучшем случае — остаться в положении «пустого места» для музейных зрителей а в худшем — притупить, (поскольку силы и внимание массового зрителя Музея ограничены..) его внимание и интерес к другим объектам, подлинно доступным усвоению.

Такова исходная позиция Музея массового типа; резкое принципиальное отграничение его методики от таковой музеев школьного академического типа, или назначения.

Это не значит, что работу массовых музеев можно проводить в отрыве от академической науки. Но заимствуя свое фактическое содержание всецело от нее, музеи массового типа пользуются ею только избирательно, лишь в меру подлинной доступности, пригодности для массового просвещения и привнося в методику показа **собственные** установки и **свои** приемы, чуждые академической науке и академическим музеям.

И поскольку методы показа для **учебного** Музея в сущности довольно безразличны (ибо содержание **таких** музеев обязательно в любом показе!), **можно утверждать, что современная наука о музеевической теории и «практике», «Музееведения» — есть в сущности наука о «Музеях Массового Типа» с ориентацией не на «академических» музейцев, а на деятелей массовой культуры, массового просвещения.**

И в самом деле. Не случайно в жизни Вузов всех родов и рангов практикуется обычай возлагать обязанность «Заведующего Музеем» на кого либо среди наличного преподавательского персонала, не считаясь с тем, имеются ли у преподавателя призвание и знания «музейца». Молчаливо полагалось, что любой ученый может создавать и направлять «музеи» по своей науке. Стоит лишь, избрав в основу тот или иной Учебник, заменить рисунки — экспонатами, а текст — этикетажем и.. «Музей» готов.

Но протекающий сравнительно бескровно для профессионалов и обслуживающих их музеев, этот упрощенческий прием показа никуда не годен при организации музеев «массового типа», к сожалению, об этом слишком часто забывают, доверяя право голоса и даже директивы лицам, даже не подозревающим, что существует целая особая наука или отрасль, «Музееология», овладение которой требует практического опыта, как и любая дисциплина; — людям, не работавшим в этой науке и, однако, полагающим себя достаточно авторитетными, чтобы судить о планах и принципах устройства «массовых музеев».

Этим малопривзванным музейным критикам и судьям не мешало бы усвоить, что в организации музеев массового типа — первое и обязательное требование плодотворности суждения и критики является **наличие фактического опыта и знания по обсуждаемым вопросам**, без которого все говоримое является непродуктивным.

Такова наша исходная пропедевтическая установка: **Обсуждение проблемы устройства «массовых музеев» на основе подлинного опыта и четкого отграничения ее от интересов, тем и методов музеев школьного, учебного, «академического» типа.**

В чем же — так естественно спросить — исходная и основная трудность устройства музеев «массового типа»?

Отвечая на вопрос, начнем издалека.

Давно известно каждому ученому, что написать хорошие учебники куда труднее, чем научные трактаты, и что верхом трудности является писание «листочков» по научному вопросу: популяризовать науку массам, не греша вульгаризацией, опасность о которой так настойчиво и ярко говорил великий мастер популяризации науки — **Ленин**.

И, однако, как ни трудно популяризовать пером и словом, эти трудности бледнеют перед таковыми массовых музеев, призванных отображать науку не письмом и речью но конкретным, вещным образом — экспонатной.

Но и здесь размеры трудностей зависят от того, насколько вдумчиво-критически мы подойдем к решению задачи и, конечно, всего прежде к уточнению центрального понятия, лежащего в основе представления о «массовом музее», — именно понятия о «массовом музейном зрителе».

Суммарное и многозначное, это понятие охватывает, как известно не одну лишь «массовую публику», как совокупность мало сведующих лиц, но и любителей и знатоков науки и ее профессионалов, временно объединяемых под сводами музея «массового типа».

В результате — необычная по трудности задача: примирить на той же экспозиции запросы и сезонника — рабочего и академика, и педагогов и учащихся...

Задание не легкая и трудность неизвестная для автора научной книги и ее редактора, могущих наперед учитывать «лицо» читателей, соразмеряя с ними стиль и содержание работы.

Но не то при создании экспозиции в музее «массового типа», призванное одновременно ответить на запросы лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту.

Поставленный перед решением этой задачи массовик-музеец чувствует себя невольнo в положении работающего с «трудными весами»: переложить на одну из чашек — в сторону серьезности — скучают дети и сезонники; перегрузишь другую — в сторону общедоступности — тоскуют академики и «знатоки науки».

Такова исконная и нерешенная доселе трудность всякого научного музея массового типа, столкновение двух враждующих начал экспонатуры: «Сциллы **Профессионализма**» и «Харибды Тривиальности».

Обычно, правда, эту трудность думают ослабить тем, что ..игнорируют ее.

Именно так — увы! нередко поступают многие музейцы, опираясь на формальные соображения:

«План экспозиции — детально разработан с привлечением признанных специалистов, ими апробирован и точно выполнен. Дело музейных зрителей усвоить или неусвоить экспозицию!»

Но рассуждающие так невольнo придают понятию «Общедоступности» — значение топографическое в смысле беспрепятственного проникания в здание Музея, «общепроницаемости» в его стены а не в смысле «общеувлекательности», «общепоучительности», «общеусвояемости» экспозиции.

Мы очертили основную трудность, органически присущую громаднейшему большинству музеев массового типа и во всяком случае — биологическим музеям, посвященным изучению и экспозиции проблем и фактов, относящихся к живой природе.

Можно с полной уверенностью утверждать, что разрешить указанную трудность, — примирения на **той же экспозиции** запросов лиц, безотносительно к их возрасту и уровню образования **не** удавалось до сих пор ни одному музею, ни у нас, ни за границей и тем менее, что самая проблема эта и доселе остается за пределами внимания большинства музейцев.

К разработке названной проблемы, — кардинальной для Музеев Массового Типа и направлена вся деятельность Дарвиновского Музея а в ее решении Музей усматривает свое главное новаторское достижение на фронте экспозиционной техники и свой важнейший вклад в новейшую Музеологию.

Однако, осознать решающую роль этой проблемы для музеев массового типа и добиться надлежащего ее решения возможным оказалось лишь ценою длительного опыта и изживания бесчисленных ошибок, о которых говорилось выше.

Лишь в итоге **полувековой** работы и «Декартовой» суровой самокритики, отказа от всего сомнительного или спорного и удержания фактически проверенного удалось решить фундаментальную проблему каждого Музея «Массового типа»: **примирения на той же экспозиции** запросов лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту.

Беглому очерку главнейших исторических этапов этой эволюции музейных методов показа на примере **Дарвиновского Музея** и его конечных достижений за истекшие полвека — посвящаются по=

Ровно полстолетие тому назад: Лето 1896 года. Тесная коморка вся заставленная до отказа чучелами птиц, частью работы самого владельца комнаты, отчасти приобретенная у известного тогдашнего натуралиста-препаратора Ф. Лоренца.

Значительное большинство этих объектов сохраняется доселе в **Дарвиновском Музее** в том числе и замечательные «Лоренцевы препараты», эти «Страдивариусы» в области таксидермической, препаровальной техники, монтажа высших позвоночных.

Перед нами — первый скромный подлинный предтеча **Дарвиновского Музея**, или, говоря точнее, первый остов этого последнего.

Расставленное «по Системе» это небольшое но немалое собрание представляло сколок общепринятых тогда музеев и как таковое было интересно лишь для орнитолога, и то лишь до поры до времени.

При необъятности одной лишь группы птиц, казалось очевидным, что собрать известные в ту пору 10.000 видов или разновидностей — задача, безнадежная для частного лица да и бессмысленная по идеи.

Это обстоятельство посудило тогда же молодого собирателя сосредоточиться не на количестве объектов а на совершенстве их монтажа.

Год за годом проводились все свободные часы за монтировкой добытых охотой и на рынке птиц, при чем было достигнуто значительное совершенство: закрепленное двумя медалями (1896, 1899) присужденными тогдашним Обществом Акклиматизации Животных и Растений.

И, однако, сохрани эта коллекция присущий ей тогда «систематический» характер, — ей не суждено было послужить началом учреждения мирового ранга. Как лишенное глубокой обобщающей идеи, чуждое значения и интереса для широких масс — эта коллекция заглохла бы бесследно и бесплодно.

Заронить в это собрание объектов новую идею, яркую живую мысль удалось лишь 10 лет спустя в итоге личного знакомства пишущего эти строки с выдающимися дарвинистами Германии, Голландии и Англии и длительного изучения Британского Музея, в частности его так наз. «Дарвиновской Залы», посвященной сжатой иллюстрации учения Дарвина об эволюции живой природы.

Таковы источники идеи: лекции по Дарвинизму выдающихся ученых Запада и многомесячное изучение Кенсингтонского Музея, наводившее на мысль об организации в Москве Музея, специально посвященного учению великого британца.

Предстояла трудная но благодарная задача: на основе уже собранных систематических коллекций, реформируя и дополняя их, создать Музей, отображающий учение Дарвина об эволюции живой природы.

Такова идея, оставалось вечно претворить ее, при явной безнадежности найти в ту пору, сорок лет тому назад, в Москве сочувствие идеи основания «Дарвиновского Музея» для широких масс, — единственным путем и средством обеспечения начала дела было прикрепление задуманного вновь Музея к Учреждению «Вузовского типа».

Приглашение автора — в ту пору молодого лектора-зоолога преподавателем Московских Высших Женских Курсов с поручением чтения лекций по основам дарвинизма, — предредила судьбы Дарвиновского Музея на ближайшие 13 лет.

Справедливость требует признать, что лишь благодаря служебной связи с Курсами Музей — на первые по крайней мере годы — оказался обеспеченным не только помещением но и возможностью беспозшлиного получения из заграницы экзотических коллекций. Наконец, самая связь Музея с лекционным курсом Дарвинизма гарантировала плановость и тематическую четкость при подборе экспонатов, избегание перегрузки материалами, лишенными прямого отношения к учению Дарвина.

И все же все эти достоинства и достижения покупались дорогой ценой: придачей самому Музею типа лекционного, учебно-вспомогательного Института а не «массового учреждения».

В этом нетрудно убедиться, если пробежать печатную программу читанного мной курса: темы, самые разнообразные, безотносительно к степени доступности их для их «музейного показа», скомпонованные по различным иностранным сводкам и трудам самого Дарвина.

И также разнородно было содержание тогдашнего Музея: чучела скелеты, шкурки, тушки, книги и рисунки, черепа, сухие препараты, мокрые, в цилиндрах, банках спиртовые, формалиновые препараты пестрой чередой сменялись перед аудиторией.

Можно с уверенностью утверждать, что никогда дотоле, ни у нас, ни заграницей не читалось курса Дарвинизма, столь же обстоятельно и расточительно обставленного вещной демонстрацией, как эти некогда читавшиеся мною лекции для слушательниц Высших Женских Курсов.

И, однако, беспримерный по богатству в качестве «учебно-вспомогательного аппарата», применительно к читавшемуся мною курсу, — **Дарвиновский Музей** был в разбираемое время (1905- 1918) **абсолютно непригоден для обслуживания широких масс.**

Да и могло ли оно быть иначе?!

Думать, что собрание экспонатов, призванных обслуживать зоологов-студентов в продолжении двух семестров, свыше тридцати академических часов, доступно усвоению при однократном и двухчасовом осмотре лицами, по большей части абсолютно непричастными к науке, — думать так способны только люди, чуждые науки и реальной жизни.

Но не менее противоречил понятию музея «массового типа» вещная природа многих экспонатов: ценные, уместные, оправданные даже для кончающих зоологов-студентов многие объекты типа гипсовых муляжей и моделей или «мокрых препаратов» оказались бы заведомо неподходящими для знатоков науки, поражая своим нудным, малоэстетичным, будничным, банальным, докторально-поучающим учебным, школьным видом.

Идеальный как учебно-вспомогательный музей, Музей имени **Дарвина** в ту пору не был массовым музеем по причине изобилия предметов, слишком трудных для профанов, слишком тривиальных для специалистов, знатоков науки.

Властно и тревожно становилась перед автором проблема о судьбе, о будущем основанного им Музея: оставаться ли ему на положении «Вузовского», лишь учебно-вспомогательного Института, или выйти за пределы высшей школы и пробиться в жизнь, к обслуживанию широких масс, к широкой демократизации науки...

И не трудно было наперед решить, в какую сторону направится решение вопроса.

Развивать Музей и дальше в сторону детальной вещно-осязательной документации учения Дарвина и **всех** его трудов — кому и для чего понадобился бы такой «Музей»?

Казалось очевидным, что для перевода на музейную экспонатуру содержания одних лишь дарвиновых книг потребовались бы километры стен и полок при полнейшей непонятности, бессмысленности начинания такого рода.

Хорошо известно, что научные труды самого Дарвина читались и читаются весьма неравномерно даже в практике биологов-профессионалов, большинство которых ограничивается тремя главнейшими трудами...

А теперь попробуем себе представить невообразимое: попытку претворить **все** приводимые в работах Дарвина примеры в вещные музейные объекты...

Для кого и для чего такое начинание? Для десятка-двух специалистов, не нуждающихся в вещных пояснениях? Или для тысяч и десятков тысяч «массовых музейных зрителей», совсем не склонных разделять симпатии и интересы тех профессионалов...

Будучи последовательным, необходимо было бы отобразить в таком музее и фундаментальную двухтомную работу Дарвина об «Усоногих раках» возмевших — по признанию Дарвина, громадное значение для его суждений о природе «вида», и геологические сочинения Дарвина, определившие его воззрения, как зоолога...

Легко понять, что отражая в экспозиции Музея **все**, касающееся трудов и жизни Дарвина, мы получили бы подобие «мемориального музея», может быть, уместного на родине великого ученого, но не оправданного вне ее.

Еще сомнительнее представлялась мысль основать в Москве Музей, имеющий отобразить не только **все** идеи или факты, установленные Дарвиным, но и труды его сподвижников или преемников, теории и факты добытые за три четверти столетия необозримой армией ученых-дарвинистов... А учитывая и работы будущих ученых в этой области, мы на попытки или предложения «**полностью**» отобразить в музее **все** эти работы, можем возразить, что для такой затеи не хватило бы даже 11.000 комнат Ватикана, осмотреть которые возможно только под угрозой ..«умереть от истощения».

Ненужные ни для ученых, ни для «массового зрителя» подобные «Музеи-Левиафаны» всего менее пригодны для решения основной проблемы массовых музеев — примирения как тех, так и других на **той** же экспозиции.

В сознании ненужности такой «дарвинистической энциклопедии» работы по реформе и реорганизации бывшего вспомогательно-учебного Музея Дарвинизма в направлении «массового» учреждения проводились в следующих формах:

- I. Изъятия всего учебно-школьного и тривиального во мнении ученого и знатока.
- II. Насыщения экспонатуры новыми фактическими материалами, дотоле неизвестными в науке.
- III. Новаторское оформление общеизвестных фактов, разработка ряда новых методов или приемов экспозиции.
 - I. Во исполнение первого принципа — методически и неуклонно стало изниматься из экспонатуры все неполноценное во форме или содержанию, — объекты, препараты массового производства, не несущие печати творчества руки и мысли:
 - II. Особое внимание обращено было на насыщение экспонатуры вещно-значимыми объектами, мало известными и новыми в науке, призванными захватить внимание даже крупнейших знатоков-специалистов данной области. Увязка экспозиции с научными исследовательскими работами Музея.
- III. Для части экспонатов и разделов категории «общеизвестных» или «тривиальных» введено было за правило **новаторство** их оформления. Широчайшее использование **Искусства** в дополнение к показу натуральных экспонатов.

Таковы три главных и краеугольных метода или приема превращения Учебного Музея в таковой общедоступно-массового типа.

И однако первым и решающим условием было и есть предельно четкое определение самой задачи, целевого назначения **Дарвиновского Музея**. Сформулировать ее возможно в следующем тезисе:

- «Не претендуя на значение и роль Дарвинистической Энциклопедии служить орудием широкого и увлекательного приобщения широких масс к науке и к основам современного научного мировоззрения.»

Для выполнения этой задачи оказалось рациональным (ибо хорошо проверенным тридцатилетней практикой..) введение следующих установок:

1. Придача экспозиции отдельных зал, как и Музею в целом максимальной цельности и органичности, в смысле увязки тем и вещного, фактического содержания.
2. Жесткое категорическое сокращение тематики отдельных зал: сведение ее лишь к самому необходимому: «музейно-экспозиционный Лаконизм». Избегание ненужных повторений, не оправданных ни яркостью показа, ни значительностью содержания.
3. Оперирование лишь с объектами и темами, доступными предельно красочному, яркому показу. Опускание всего, что недоступно этому последнему. Полнейшая оправданность такого принципа, поскольку все действительно необходимое для освоения учения Дарвина доступно яркому показу.
4. Избегание всего профессионально-узкого и специального, доступного для освоения лишь помощью пространственных устных или письменных («этикетажных») пояснений. Выдвижение «Языка самих вещей» а не печатных текстов, за их малой эффективностью.
5. Оперирование — по возможности — с примерами, вещно знакомыми любому зрителю и помогающими концентрировать внимание на общих выводах а не на описании отдельных фактов. Широчайшее использование местной фауны.
6. Насыщение всей экспонатуры новыми, оригинальными примерами и фактами, способными и призванными захватить внимание даже крупнейших знатоков науки но при неременнейшем условии доступности и увлекательности тех же фактов и для массового, неподготовленного зрителя.
7. Оформление всей экспонатуры и особенно примеров, слишком хорошо известных но не устранимых, вопреки их «тривиальности» — посредством новых методов показа. Широчайшее использование полноценной живописи и скульптуры.

8. Связь теории и практики: Упор на факты и теории, лежащие в основе современного научного мировоззрения и связанные с строительством Социализма — социалистическим Животноводством, Звероводством, меховой, пушной промышленностью и Охотоведением.
9. Разработка ряда новых методов, содействующих освоению любого экспоната одиночным зрителем в сквозном осмотре и при однократном посещении Музея. Ставка на **самостоятельное** освоения Музея одиночным зрителем **без** устного руководства и при предельном сокращении этикетаж.
10. Абсолютная доходчивость любого экспоната, обеспеченная либо новизной и яркостью фактического материала, либо применением новаторской методики показа. Но новаторство и там, и здесь. Категорическое опущение из экспозиции всего не отвечающего этому руководящему принципу.

Таковы главнейшие приемы и пути реформы, реорганизации бывшего школьного, учебного Музея в таковой общедоступно-массового типа.

День за днем и год за годом проводилась эта реорганизация, все время на основе методического изучения наших музейных зрителей, проверки и контроля степени доходчивости тех или иных приемов и нововведений.

Таковы принципы или предпосылки экспозиции и методы работы **Дарвиновского Музея**, как Музея, **не** учебно-школьного, и **не** профессионального, и **не** мемориального, но **массового** в подлинном, буквальном смысле слова, при котором экспозиция Музея в целом, как и каждая, любая задача, каждая витрина и любой объект — полны новаторского элемента для любого посетителя, будь то дошкольник или академик, педагог, учащийся, рабочий, служащий или красноармеец. Каждому из них, хотя, конечно, в разной мере каждый экспонат покажется достойным полного внимания и живого действенного интереса...

Именно таким воспринимаем был Музей бесчисленными посетителями за истекшее без малого **тридцатилетие** — с тех незабвенных дней нашей Великой Революции, когда наперекор блокаде, тифу, голоду и холоду Музей наш лишь едва оставив за собой великие Октябрьские дни, смог сбросить временную оболочку «Вузовского» школьного Музея, временно служившую ему эгидой, и пробиться на дорогу массовой работы.

Обслужив за эти годы сотни тысяч благодарных посетителей и почитателей Музей давно уж перерос им занимаемое помещение и сможет развернуть вполне свою работу лишь при получении собственного здания, способного принять единственные в мире вещные сокровища и применить сорокалетний уникальный опыт по обслуживанию массового зрителя.

Из года в год, долгие десять лет обследовали мы нашего массового зрителя по методу анкетных статистических опросов и его сравнительных оценок посещения главнейших существующих музейных центров и переводя эти анкетно-цифровые данные на диаграммы и кривые, убеждались в полной и практической оправданности наших методов и наших установок (именно, поскольку только дважды за десятилетие — 1925-1935 — высшая оценка выпала на долю Третьяковской Галереи а не Дарвиновского Музея.

Тридцать лет из года в год мы собираем тщательно-любовно письменные отзывы, оставленные в Книге посетителей нашего Дарвиновского Музея, убеждались в том, что несравнимые по социальному или образовательному признаку его бесчисленные потребители, — виднейшие ученые России и далеких зарубежных стран, рабочие, студенты, педагоги, Маршалы Союза и герои-летчики, учащаяся молодежь всех возрастов сходились в трогательном и восторженном признании за Дарвиновским Музеем одного из самых первых мест среди музеев не одной только Москвы но и России.

Эти отзывы, записанные языком бесстрастных цифр или трепетным биением сердца, нам приходится расценивать тем выше, что при временных условиях наличных помещений Дарвиновского Музея, посетителям его приходится прогнать немалые несовершенства: тесноту музейных зал, архаику витража, скученность объектов, ограниченных ничтожной частью фондовых коллекций, собранных за целые полвека.

И однако, именно тот факт, что даже в этом лимитированном виде наш Музей сумел завоевать себе широкое признание, дает гарантию неизмеримо лучшего его служения обществу при получении новых стен, на базе хорошо проверенных сорокалетней практикой новаторских принципов или установок.

И сводя в одно все сказанное, можно, возвращаясь к нашему исходному вопросу: «Что такое **Дарвиновский Музей?**» — ответить следующим образом:

Не претендуя ни на роль «мемориального музея», ни на ранг «Дарвинистической Энциклопедии» **Музей имени Дарвина является «Новатором-Музеем», разрешающим впервые и доказанно- удачно основную трудность всех естественно-научных, в частности биологических музеев массового типа — «О предельном примирении на тех же экспонатах интересов лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту.»**

Задача, цель Музея: Не пассивно реферировать теории и факты Дарвинизма в форме вещной компиляции, но самобытно проработав основные темы или главы эволюционного учения отобразить их **творчески** в стенах Музея, пронизать его экспонатуру **творческим** моментом содержания или показа.

Цель, задача **Дарвиновского Музея** — не переносить на его стены, или на сетчатку его зрителей **все** факты или обобщения, связанные с Дарвиным и дарвинистами, но в том чтобы при свете Дарвинизма захватить, зачаровать музейных посетителей идеей беспредельной изменчивости живого мира, грандиозными картинами его историй и власти человека над природой, заронить и закрепить любовь к науке, как пособнице культуры и основы для свободного научного мировоззрения.

Основатель (1896) и Директор **Дарвиновского Музея в Москве,**

Доктор Биологических наук

(проф. А. Котс)